

УДК 81`374

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА: НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье на основе материалов идеографического словаря окказионализмов М.Е. Салтыкова-Щедрина дается лингвистическое описание одной из особенностей философско-эстетической системы писателя – идеального мира (скрытой реальности). Определяются языковые механизмы его конструирования, среди которых выделяются такие приемы, как наличие идеографических лакун и различный количественный состав групп при сопоставлении лексикографической фиксации идеального мира и конкретной реальности, использование приставочного способа при создании отрицательной формы логического суждения и сложения при построении оксюморона и антитезы на основе антонимичной семантики компонентов сложных слов.

Ключевые слова: *идеографическая группа, окказионализм, семантика, поэтика.*

В настоящей статье мы продолжаем исследование особенностей философско-эстетической системы М.Е. Салтыкова-Щедрина на основе анализа его окказиональных образований. В предыдущих работах [1; 2] мы отмечали наличие в ней двух реальностей – скрытой, представляющей собой воплощение идеальных представлений писателя о жизни, в которой добро и истина являются высшими ценностями, и обыденной («перевернутый мир»), в которой превалирует рутинная обывательского существования, основанная на отсутствии нравственных ориентиров и обмане.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является языковое конструирование идеала: насколько его описание автором соответствует стереотипным представлениям о форме идеального мира. Любая форма бытия, метафизическая / физическая, идеальная / реальная, должна иметь набор сингулярий – единичных объектов, организующих его пространство. В этой функции выступает существительное. Но у Салтыкова-Щедрина его нет, а зафиксировано только два аппозитивных сочетания: «обличительница-совесть» как экзистенция, веха, из которой рождается идеальный мир, и «смерть-избавительница», которая номинирует желаемый финал жизни человека в «сонно-фантастическом мире» [4, т. 8, с. 403], осознавшего себя как личность, всю преступность своего существования, находящегося в конфликте с должным (идеалом, кем он должен быть) и сущим (реальным, кто он есть), драматично переживающим непонимание окружающих, травлю с их стороны. Такой человек, например, ярко представлен в образе бедного волка из одноименной сказки:

«Именно проклятый. Ну, как-таки только затем жить, чтобы убивать и разбойничать? <...>

И начал он звать смерть. “Смерть! смерть! хоть бы ты освободила от меня зверей, мужиков и птиц! Хоть бы ты освободила меня от самого себя!” – день и ночь выл он, на небо глядячи. <...>

Наконец смерть сжалилась-таки над ним. <...> Лежит однажды волк в своем логове и слышит – зовут. Он встал и пошел. Видит: впереди путь мехами означен, а сзади и сбоку мужики за ним следят. Но он уже не пытался прорваться, а шел, опустив голову, навстречу смерти...

И вдруг его ударило прямо между глаз.

– Вот она... смерть-избавительница!» [Там же, т. 16(1), с. 43–44].

Само понятие совести связано с концепцией раздвоенности действительности как преломлением идеальной идеи в физическом мире. В обывательской жизни совесть не входит в систему нравственных ценностей общества: «Всякий швырял ее (совесть. – *И. Г., Е. У.*), как негодную ветошь, подальше от себя; всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе, и на самом бойком месте, может валяться такое вопиющее безобразие» [Там же, с. 14]. Однако, по мысли автора, совесть – это то, что позволяет человеку не потерять себя, ее отсутствие низводит его до уровня деградации: «Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! <...> Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение» [Там же].

В связи с этим неслучайно появление элемента «обличительница» в рассматриваемом аппозитивном сочетании. Именно совесть пробуждает в человеке самосознание, разоблачает ложность окружающей действительности и раскрывает настоящее, истинное положение человека. Когда один из персонажей сказочного цикла поднял с пола тряпицу-совесть, то «память без пощады извлекла из тьмы постыдного прошлого все подробности насилий, измен, сердечной вялости и неправд; воображение облекло эти подробности в живые формы. Затем сам собой проснулся суд... Жалкому пропойцу всё его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он добровольно подвергает себя, бьет его несравненно больнее и строже, нежели самый строгий людской суд» [Там же]. Поэтому идеальный мир писателя окрашен этически ценностно, в качестве сингулярий выступают именованья нравственных ценностей, и в этом его главная особенность.

Она же диктует и наличие идеографических лакун, а именно: отсутствие групп, входящих в зону социальных отношений «Социальные состояния и отношения, социальные устои, социальный уклад», хотя она чрезвычайно богато представлена в лексикографической рубрике «Обыденная действительность» словаря окказионализмов М. Е. Салтыкова-Щедрина (12 групп, 34 языковые единицы), и группы «Физические характеристики. Внешний облик». В разделе «Обыденная действительность» она представлена одной лексемой *человеко-медведь*, которая в идеологической стратегии творчества писателя, и в частности в сказке «Дикий помещик», номинирует степень нравственной деградации человека: одичавший помещик сочетает в себе черты человека и животного.

Бытийный контекст социальной жизни человека как отражение идеала находим лишь в идеографической зоне «Отношения в обществе. Моральные отношения. Моральные категории и состояния». Эта точка пересечения дает наиболее яркое представление о конструировании писателем положительного конца аксиологической шкалы – должного (имеем в виду контекстуальную антонимию: *обличительница-совесть – гиенство, гиенское, по-порочному*). Безусловно, экспликацией нравственных ценностей обыденной действительности является сущ. *гиенство*: «Ибо для того, чтобы оно (человеческое. – *И. Г., Е. У.*) восторжествовало, необходимо только одно: осветить сердца и умы сознанием, что “гиенство” вовсе не обладает

теми волшебными чарами, которые приписывают ему безумный и злой предрассудок» [Там же, т. 16(1), с. 197].

Добро и зло в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина воплощается в разнообразных художественных образах. В сказке «Гиена-оборотень» зло представлено в аллегорическом образе животного-хищника гиены, который олицетворяет собой социально-психологический тип деградировавшего человека.

Основу структуры лексического значения данной единицы составляют процессы приглушения узуальной денотации – соотносительность со свойствами реального животного – и формирования окказиональной референции, выступающей как общая денотативная отнесенность: *зло* – лексема с отвлеченным значением, а признаками денотата являются текстуальные характеристики зла – жестокость, античеловечность, агрессивность.

Две другие названные выше лексемы атрибутируют этическую систему «перевернутого мира»:

«“Человеческое” никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его “гиенское”, продолжало гореть [Там же];

«И не успели Добродетели опомниться, как у Лицемерия уж и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянец на щеках играет... девица, да и шабаш! – Ишь, дошла! ну, а по ихнему, по-порочному... как?

Но Лицемерие даже не ответило на этот вопрос. В один момент оно учинило нечто, ни для кого явственно не видимое, но до такой степени достоверное, что Прозорливство только сплюнуло: “Тьфу!”» [Там же, с. 48].

Этот же механизм – построение антитезы – мы наблюдаем и при соотносении аналогичных групп в ипостасях скрытого и обыденного, где нередко антонимия задается одним из компонентов сложного слова при повторении другого, как в группе «Интеллектуальное состояние. Образ мыслей. Мнение. Точка зрения»: «Необходимо, дабы между градоначальниками царствовало *единомыслие*. Чтобы они, так сказать, по всему лицу земли едиными устами. О вреде градоначальнического *многомыслия* распространюсь кратко [Там же, т. 8, с. 424] (здесь и далее курсив в цитатах наш. – И. Г., Е. У.).

В «Истории одного города» отмечено шесть словоупотреблений лексемы *многомыслие*, причем из них четыре раза в синтагме *градоначальническое многомыслие* как характеристика нежелательных действий административного лица. Значение окказионального слова – ‘наличие нескольких взглядов, оснований для произведения разных действий’ – реконструируется в контексте при сопоставлении с антонимом *единомыслие* (ср.: «**ЕДИНОМЫСЛИЕ**... Одинаковый образ мыслей в чем-л., согласие во взглядах» [6, с. 463]).

Сюда же примыкает окказионализм *единоначалие* как характеристика деятельности представителей власти («Бесспорно, что принцип *единоначалия* непрекаем; бесспорно, что власть единоличная, коль скоро она вручена лицам просвещенным и согреваемым святою ревностью к общественному благу <...> не только не приводит государств на край гибели, но даже полагает основание их несокрушимости» [4, т. 12, с. 77]) и окказионализм *многомысленный* из группы «Социальные устои. Закон»: «...город Глупов, по самой природе своей, есть, так сказать, область второзакония, для которой нет даже надобности в законах отяготительных и *многомысленных*» [Там же, т. 8, с. 360].

Группа «Действия, отражающие моральные качества человека»: «Крамольников думал-думал, и вдруг словно кольнуло его. “Отчего же, – говорил ему внутренний голос, – <...> ты не шел прямо и не *самоотвергался*?”» [Там же, т. 16(1), с. 205]

// «Откуда это *самошпионство, самоподслушивание, самонаушничество*, эти вечно гноящиеся триязывы, которые неустанно точат провинциала...» [Там же, т. 7, с. 198].

Группа «Моральное и эмоциональное состояние».

Страдалица-мать – персонаж сказки «Деревенский пожар», женщина, потерявшая в огне ребенка, испытывающая подлинно глубокое чувство страдания, в отличие от мнимого сочувствия Верочки и ее матери – поместных дворян.

Пустоутробие: «Природа благосклонна; люди – злее. Природа не допускает строго последовательного *пустоутробия*; люди, напротив, слишком охотно настаивают на этой последовательности. Если б природа хотела быть до конца жестокою, она награждала бы живых людишек тем же идиотским упорством побуждений и движений, каким награждает Изуверов своих деревянных людишек» [Там же, т. 16(1), с. 116]. Лексема *пустоутробие* зафиксирована в сказке «Игрушечного дела людишки», основной мотив которой – мотив кукольности – представляет убеждение Салтыкова-Щедрина в том, что требование беспрекословного повиновения парализует человеческую волю, превращая людей в механизмы. Кукла – синоним античеловечности, бездушия, поэтому *пустоутробие* – место неживое, мертвое, ненастоящее – свойственно кукле или человеку, превратившемуся в нее (ср. в словаре В.И. Даля: *благоутробие* – «доброта сердца, милосердие, благодушие» [3, т. 1, с. 95]).

Интересно, что и один из атрибутов морального состояния человека представлен оксюмороном *скромно-честолюбивый*: «А купец Воротилов точно подслушал его *скромно-честолюбивое* вожеление: под самый Трезоркин праздник купил совсем новую, на диво выкованную цепь и сюрпризом приклепал ее к Трезоркину ошейнику. “Лай, Трезорка, лай!”» [4, т. 16(1), с. 134].

Другим языковым механизмом конструирования идеального мира является образование окказионализмов с префиксами *не-*, *анти-* с отрицательным значением, что создает форму отрицательного логического суждения «S не есть P».

Группа «Черты характера, отражающие отношение человека к себе».

Не-ревизский: «Крамольников торопливо ощупал себя <...> в качестве ревизской души, он существует в том же самом виде, как и вчера. <...> И за всем тем для него не подлежало сомнению, что его нет. Нет того *не-ревизского* (курсив Салтыкова-Щедрина. – И. Г., Е. У.) Крамольникова, каким он осознавал себя накануне. <...> У него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала возможность огнем зажигать сердца других» [Там же, с. 198]. В образе Крамольникова писатель отмечает выламывающиеся из обыденной, привычной действительности единичные феномены в осознании человеком себя, в результате чего появляется *не-ревизский* человек, служащий высоким общественным задачам, который, правда, быстро разрушается властью.

Группа «Черты характера, отражающие нравственную сущность человека».

Неподлежащее: «Как тут остановить наплыв “лишнего” в партикулярном мире, когда и сноси собственной цитадели, куда ни вскинь глазами, – везде лишнее да *неподлежащее* так и хлещет через край!» [Там же, с. 64]. *Неподлежащее* является контекстуальным синонимом *лишнего*, характеризует определенную жизненную позицию. Например, после того как *воблушку* провялили на солнце, она радуется: «– Как это хорошо, – говорила вяленая вобла, – что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести – ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!» [Там же, с. 62–63].

Таким образом, под *лишним* и *неподлежащим* писатель подразумевает активную жизненную позицию человека, в первую очередь осознание им себя как личности, что влечет за собой стремление быть свободным, неугнетенным господствующей моралью и идеологией всеобщей государственной благонамеренности и благонадежности.

Группа «Речевые акты, не прикрепленные к официальной или специальной сфере». Окказиональные лексемы *антибред*, *антибредить*, *антибрести*:

«Подумайте, милая! Сегодня Дыба покажет, где раки зимуют, завтра – куда Макар телят не гонял, послезавтра – куда ворон костей не заносил, а в заключение объяснит, как Кузькину мать зовут! Вот сколько наук! <...>

Стало быть, во всем должна быть мера, милая тетенька. Мера – в парении чувств и мыслей и мера – в предательстве. Так что ежели который человек всю жизнь “брехал”, а потом, по обстоятельствам, нашел более выгодным “*антибредить*”, то пускай он не прекращает своего бреда сразу, а сначала пускай потише бредит, потом еще потише, и еще, и еще, и, наконец – молчок! Тогда он уж бесстрашно может, на всей своей воле, *антибредом* заняться, и все будут говорить: “Из какого укромного места этот безвестный рыбарь явился? что-то мы его как будто прежде не замечали!” А между тем – он самый и есть!» [Там же, т. 14, с. 254, 256–257].

Данные лексемы, зафиксированные в «Письмах к тетеньке», складываются в антонимические пары *бред* – *антибред*, *бредит* – *антибредит*, *брести* – *антибрести*, в которых первые компоненты в контексте произведения являются семантическими окказионализмами – скрипторами «обыденной действительности»: *бредит* – «думать или говорить о тривиальном, общеизвестном, выдавая его за истинные знания»; *бред* – «о чем-либо банальном, обыденном»; *брести* – «рассуждения о тривиальном». При сопоставлении с языковыми значениями данных лексем – «говорить бессвязно и непонятно», «бессмысленная речь, несуразное», «фантастические, нелепые, странные мысли или речи» [5, с. 114] – можно наблюдать, как их коннотации создают семантическую полифонию, одновременно нивелируясь (оценка обывателя, человека «обыденной действительности») и приобретаемая крайне отрицательные характеристики (оценка автора и человека «скрытой реальности»). Таким образом, щедринские окказионализмы реализуют в контексте положительные коннотации.

Список литературы

1. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. С. Салтыкова-Щедрина). Статья 1 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 122–129.
2. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. С. Салтыкова-Щедрина). Статья 2 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 122–133.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1. М.: Рус. яз. 1986. 736 с.

**LANGUAGE TOOLS OF CONSTRUCTING THE IDEAL WORLD:
ON THE MATERIALS OF THE M.E. SALTYKHOV-SCHEDRIN'S
IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF OCCASIONALISMS**

I. V. Gladilina, E. G. Usovick

Tver State University
the Russian Language Department

Based on the materials of M. E. Saltykhov-Schedrin's ideographic dictionary of occasionalisms, the article gives the linguistic description of one of the properties characterizing the writer's philosophic-aesthetical system – the ideal world (hidden reality). The authors identify the language tools employed in latter's construction, among which there are such means as the presence of ideographic lacunae and quantitatively different composition of various groups becoming evident if one compares the lexicographic fixation of the ideal world, on the one hand, and the real world, on the other; the use of prefixes in the creation of the negative form of logical propositions, as well as the use of composition in constructing oxymorons and antitheses on the basis of antonymous semantics of compound words' components.

Keywords: *ideographic group, occasionalism, semantics, poetics.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.